

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 366.12 : 687.016

**И. В. ВИНИЧЕНКО
Е. В. ЕВДУЩЕНКО**

Омский государственный
институт сервиса

ОСОБЕННОСТИ МОДНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, СФОРМИРОВАННЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭПОХИ ДЕФИЦИТА

В настоящее время ориентация на запросы потребителей позволяет предприятиям достичь успеха. Ретроспективное социологическое исследование даёт возможность создать типологию потребителей на основе их поведения, сформированного под влиянием эпохи дефицита. В статье представлены результаты исследования мотивов, поведения и потребностей женщин г. Омска. Описано отношение к моде и принципы изменения гардероба одежды горожанок.

Ключевые слова: культура потребления, социологическое исследование, женщины, поведение потребителя, повод и мотив совершения покупки, модная одежда.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Повседневная жизнь в эпоху дефицита: костюм и образы советской женщины» № 11-11-55003а/Т.

Потребитель предъявляет к современной одежде все более высокие требования, хочет, чтобы она отличалась подлинной красотой и высокой степенью удобства. Работа по улучшению качества швейных изделий, расширению их ассортимента, сокращению сроков от разработки до постановки на производство новых образцов способствует выполнению задач

более полного удовлетворения спроса на высококачественные изделия.

Проблема изучения потребительских предпочтений при выборе одежды пока не получила достаточно исчерпывающей проработки и обоснования в швейной отрасли. Это связано со спецификой той информации, которой владеют только специалисты.

Актуальность данной темы заключается в том, что период тотального дефицита модной одежды уже прошёл и, чтобы продукция российских предприятий модной индустрии была востребована потребителем, недостаточно выполнения требований к продукции только по качественным показателям. Необходим учёт предпочтений потребителей. Только выполнение этих двух условий даст возможность предприятиям сохранить своё место в модном бизнесе.

В качестве объекта исследования рассматривается современная российская женщина, которая является активным потребителем одежды (сегмент женской одежды составляет около 60 % от всего объема одежды в стране). В постсоветское время преодолена проблема дефицита потребительских товаров, и на нашем рынке наблюдается изобилие западных вещей, но практики обращения с одеждой в России по-прежнему во многом отличаются от европейских стран и наши «соотечественники моментально опознаются в любой стране по одежде и макияжу» [1, с. 30].

Рассматривая современное общество, сложившуюся новую культуру потребления, необходимо отметить, что процессы смены вкусовых пристрастий идут медленно, неравномерно по территории страны (от культурных центров к периферии), среди различных социальных и возрастных групп населения. Поэтому можно констатировать, что, хотя советская цивилизация уже не существует, она продолжает во многом определять стиль российских граждан, основанный на глубинных стереотипах советской эпохи. Так, исследовательница О. Вайнштейн, анализируя модные предпочтения, отмечает такие характерные черты одежды российской женщины, сформировавшиеся в советский период, как феномен «разряженности», пристрастие к дешёвому шикю, преклонение перед западными лейблами [1, с. 35–36]. Эти черты наиболее ярко проявились в начале 1990-х годов, но и сегодня продолжают оказывать влияния на процесс формирования гардероба современной женщины.

Обратимся к причинам данного явления.

Детальное рассмотрение приватного пространства и его составляющих, изучение практик обращения с одеждой является одним из рельефных примеров, позволяющих сделать заметными многие невидимые особенности повседневной жизни советского человека. С одной стороны, костюм и мода отвечают идеологическим предписаниям о том, какими должны быть вещи массового производства и каким требованиям в целом должен отвечать внешний облик советского человека. С другой стороны, одежда, как вещь наиболее близкая к человеку, обладает наилучшим потенциалом для иллюстрации того, как происходит приспособление идеологических догм в повседневности. Костюм, таким образом, может выступать индикатором процессов, происходящих в культуре в целом, а мода не только отражает материальные и духовные процессы, происходящие в обществе, находит конкретное выражение во вкусах и пристрастиях людей, но и сама формирует их. Культурное наследие — важнейшая форма, в которой выражается преемственность в историческом развитии общества. Мода, становясь социально-культурным экспериментом, связанным с поиском нового культурного образца, является индикатором экономического, социального и культурного развития общества. В связи с этим формируется потребность в анализе фундаментальных имманентных форм бытия культуры, что будет способствовать получению более объективного знания о её существенных чертах.

Современная Россия переживает сложный период своей истории, она стремится обрести новый образ жизни. Это касается и моды, которая занимает особое место в социальном пространстве. Каждая эпоха создаёт свой эстетический идеал человека, свои нормы красоты, выраженные через конструкцию костюма, его пропорции, детали, материалы, цвет, причёски, грим. Так, возникает культурно-эстетический образец, который далее транслируется в общество. Большие и малые события в мире, стране оказывают влияние на моду.

Существуют мировые тенденции в моде, которые трансформируются в каждой отдельно взятой стране в зависимости от её общественной жизни. Средоточием моды, как правило, является политическая и культурная столица страны, и лишь затем мода распространяется по другим территориям. Провинциальная мода несёт в себе черты, характерные для данного города, являясь частью культуры повседневности в истории культуры государства в целом. Информация о моде и возможность следовать ей определяют способ достижения желаемого. При этом, как утверждает социолог Л. Ятина, «для процесса распространения и смены модных образцов характерно, прежде всего, ценностное отношение людей к вещам и к другим людям» [2].

Рассматривая особенности моды, необходимо учитывать, что мода — явление массовое, основывающееся на социально-информационных процессах, поэтому она «связана с такими социальными явлениями, как традиции, обычаи, с одной стороны, и общественным мнением и массовыми коммуникациями — с другой» [3, с. 3].

Специфика советской моды состояла в том, что определяющее влияние на моду оказывала идеология и политика. Руководство стремилось использовать её как инструмент осуществления политики культурного национализма, идеологического манипулирования массами. «Одежда содействовала превращению отдельно взятого человека в «идеальную шестерёнку», «винтик» в социальном механизме» [4, с. 19]. Моделирование костюма превращалось не только в идеологическую, но и в политическую задачу. При этом мода социализма стала отражением и выражением советской унифицированности, зарегламентированного мышления и поведения.

В течение всего советского периода в СССР существовал дефицит предметов потребления. Культура потребления определялась типом производства предметов потребления и объёмом их выпуска. Малый объём производства способствовал тотальному дефициту, который характеризовался отсутствием необходимых товаров и услуг, что приводило к «формированию антипотребительской системы общественных ценностей и форм повседневного поведения масс» [5].

В таких условиях процесс приобретения товаров создавал трудности потребителю, возможности удовлетворения потребностей были ограничены, планирование покупок затруднено. Процесс покупки сопровождался случайностью действия. Такие условия формирования советской культуры потребления привели к возникновению культа вещей, им определяется роль фетиша. В современной России культ вещей с лёгкостью трансформируется в идеологию гламура.

Перед производителями модной одежды стоит вопрос — потакать вкусам общества или вести с ними борьбу? Для этого в первую очередь необходимо прояснить ситуацию с потребителями, определить,

какое влияние советский образ жизни оказывает на современных женщин.

Для анализа региональных модных предпочтений и восполнения информации о причинах их бытования в эпоху «дефицита» можно использовать ретроспективные социологические исследования, которые позволят решить следующие задачи:

- изучить региональные предпочтения в одежде женщин;
- изучить потребительское поведение, которое характерно для горожанок в отношении одежды (регулярность покупок, реорганизация гардероба);
- установить основные мотивы выбора одежды женщинами.

Выдвигается гипотеза исследования: эпоха «дефицита» оказала значительное влияние на женщин-горожанок старше 30 лет, которые помнят это время и сформировали свои модные предпочтения в этот период. Женщины в возрасте с 18 лет до 30 лет сформировали свои модные предпочтения в «последперестроечное» время и, соответственно, воздействие эпохи «дефицита» проявлено в их вкусах и поведении опосредованно.

Объектом такого социологического исследования являются женщины старше 18 лет, проживающие в крупных мегаполисах.

Предметом исследования является:

- оценочное мнение женщин о частоте совершения покупок одежды;
- оценочное мнение женщин об отношении к процессу покупки одежды;
- мотивация женщин при выборе одежды;
- предпочтения женщин в одежде;
- действия женщин при изменении своего гардероба.

Поставленные исследовательские задачи предполагают проведение глубинного опроса. Форма количественного опроса с использованием анкет является наиболее эффективным способом сбора данных о модных предпочтениях и поведении женщин, сложившемся под влиянием эпохи «дефицита». Анкету должно открывать обращение к респонденту с просьбой принять участие в проводимом исследовании. Это введение коротко знакомит опрашиваемого с целью опроса и ориентирует его на конкретное задание при заполнении анкеты. Содержание вопросов анкеты должно быть сформировано с учетом задач исследования и требований логики.

По предметному содержанию в анкете формулируются вопросы о фактах, мнениях и мотивах. Вопросы о фактах касаются личности самого респондента, а также несут информацию о его действиях и поступках. Вопросы о мнении направлены на фиксацию фактов, пожеланий, ожиданий, планов на будущее и могут касаться любых проблем и личности самого респондента. Ответом в этом случае выступают оценочные суждения, основанные на индивидуальных представлениях. Через мнения выявляется отношение человека к тем или иным событиям. Вопросы о мотивах призваны выявить субъективное представление человека о мотивах своей деятельности. Один вопрос о мотивах не может дать подлинную картину мотивации деятельности, для этого необходим целый комплекс подобных вопросов.

При определении количества вопросов следует учитывать следующее: чем меньше вопросов и точнее они приближены к поставленной цели, тем больше шансов получить на них ответы. Вначале необходимо задать вопросы, с помощью которых можно определить уровень компетентности респондентов в обла-

сти проводимого исследования. Дальнейшие вопросы должны служить целям «разминки» респондентов. Эти вопросы должны быть относительно простыми, легкими для ответов, а, кроме того, заинтересовать опрашиваемых, показать им, что они легко справятся с ответами. Наиболее трудные вопросы, требующие для ответа использования специальных шкал и достаточных умственных усилий, рекомендуется ставить в середине или ближе к концу анкеты. Вопросы личного характера, например о возрасте, следует задавать в конце: в этом случае отказ респондента отвечать на данные вопросы не повлияет на заполнение анкеты в целом.

В группе вопросов на одну тему нетрудно выбрать основные и контрольные вопросы. Роль основного может играть вопрос, который задается в более широком смысловом диапазоне, в прямой форме, например: «Оказала ли влияние эпоха дефицита 1970–1990 годов на Ваши предпочтения в одежде?». Контрольные вопросы обычно располагаются в анкете на некотором расстоянии, как от основного, так и друг от друга. В нашем исследовании контрольные вопросы сформулированы следующим образом: для женщин в возрасте от 18 лет до 30 лет — «Слышали ли Вы рассказы об эпохе дефицита от своих старших знакомых, родственников?» или для женщин старше 30 лет — «Помните ли Вы время дефицита 1970–1990 годов?».

Для данного ретроспективного социологического исследования установлена выборочная совокупность, которая составляет 150 женщин в возрасте от 18 лет до 30 лет, 150 человек в возрасте старше 30 лет. Разработка анкет для предложенных возрастных категорий выполнена студентами специализации «Конструирование и маркетинг» в рамках дисциплины «Проектирование коллекций одежды на основе маркетинговых исследований». Для проведения данного исследования установлена временная граница — 3 недели. Сбор и обработка информации выполнены студентами в рамках дисциплины «Автоматизация маркетинговых исследований». Для сбора и обработки информации наиболее эффективным является использование компьютерных пакетов программ.

Рассмотрим, какое влияние эпоха дефицита советского периода оказала на современных потребителей одежды.

В первую очередь уточним, имеют ли какие-либо сведения об эпохе дефицита наши респонденты и считают ли существенным её влияние на их современный образ жизни. Опрос показал, что три четверти респондентов слышали об этом явлении в истории страны или знают о нём (72 и 76, 3 %). При этом только четверть респондентов младшей группы считает, что она оказала влияние на их предпочтения в одежде (24%), в старшей возрастной группе мнения разделились практически поровну — 43 % респондентов подтверждают влияние на их предпочтения в одежде и 43,7 % — отрицают.

Для более детального исследования сравним особенности советской культуры потребления с результатами опроса современных потребителей.

Советская культура потребления, сформировавшаяся в условиях дефицита, предъявляла к одежде, прежде всего, такие требования, как функциональность, практичность, долговечность, экономичность, скромность, гигиеничность. Одежда должна была удовлетворять разнообразные потребности, использоваться в различных ситуациях в течение продолжительного срока, то есть в первую очередь вещь должна была быть полезной. Условия дефицита товаров

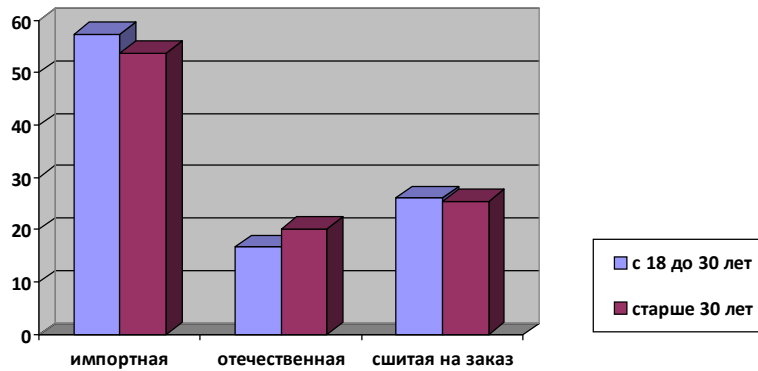

Рис. 1. Оценочное мнение респондентов о качестве модной одежды

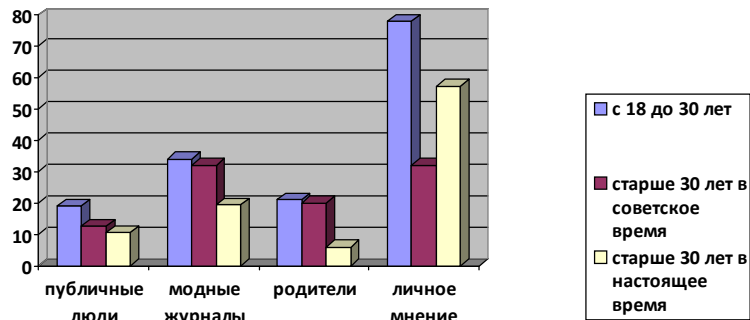

Рис. 2. Оценочное мнение респондентов о влиянии на их выбор модной одежды

и услуг, невозможность быстрой замены старой вещи новой предполагали, что купленный предмет одежды должен был носиться длительное время, при этом оставаться модным и актуальным. Таким требованиям могли соответствовать вещи, выполненные из добротной ткани нейтральных цветов и рисунков, лучше всего в классическом стиле. Одежда носилась до полного износа, ремонтировалась, переделывалась, перелицовывалась. Даже после своей эксплуатации одежда не выбрасывалась, она складировалась, переходила «по наследству» другим членам семьи или знакомым, использовалась в качестве домашней или дачной одежды, перерабатывалась на ветошь для домашних нужд.

По результатам исследования можно отметить, что современные женщины по-прежнему не торопятся расстаться со своей одеждой: почти треть женщин обеих возрастных групп продолжают носить одежду, вышедшую из моды (31,3 и 30,1 %); многие — хранят её до «лучших времён» (21,2 и 26,2 %); также значительная часть женщин прибегает к переделке одежды (19,2 и 13,6 %).

В советской культуре вещи становятся фетишем, поэтому одежда должна была подчёркивать социальный статус её обладателя. Став обладателем престижной вещи, владельцы стремились её продемонстрировать, при этом уместность такой демонстрации, сочетание вещей в костюме, стиль и вкус уходили на второй план. При невозможности приобрести статусную вещь, в основном импортного производства, её пытались сшить самостоятельно или прибегали к услугам портнихи. Изготовленная таким образом копия чаще всего выполнялась из более дешёвых и менее качественных материалов с фальшивыми лейблами. Качество продукции предприятий советской лёгкой промышленности способствует распространению стереотипа, что импортные вещи, особенно западные, значительно превосходят советские по качеству. Анализируя процесс развития совет-

ской культуры потребления и быта, можно согласиться с Линор Горалик, которая приходит к выводу, что «государство, одиозно борющееся с буржуазией, создало внутри себя образ жизни, буржуазнее которого невозможно придумать» [6, с. 27]. Буржуазные вкусы распространялись и среди населения, которое стремилось подражать элите, адаптируя их манеры одеваться в собственный костюм. Среди женщин сформировалась традиция подражания элите, стремление обладания «шикарной» одеждой. Распространение в советском обществе моды на перегруженные декором и отделкой наряды, служило, кроме того, своеобразным протестом против однообразия и невыразительности образцов одежды, предлагаемых советской индустрией моды, и установки на коллективизм. Индивидуальный вкус в одежде считался крайне подозрительным, одежда советских граждан должна была быть «всеобщей» и одновременно «никакой» [7, с. 118].

Современные исследования показывают, что по-прежнему женщины считают более качественной импортную одежду (57,3 и 53,7 %), четверть респондентов отдаёт предпочтение одежде, сшитой на заказ (26,1 и 25,4 %), что говорит о слабом развитии нашей лёгкой промышленности и неспособности кардинально изменить мнение потребителей (рис. 1). Представляют интерес данные о влиянии на выбор респондентами модной одежды: 78 % женщин младшей возрастной группы указывают, что приоритетным при выборе одежды является их собственное мнение; мнение женщин старшей возрастной группы относительно выбора изменилось вместе с изменением образа жизни: так, в советское время приоритет личному выбору отдавали только 32 % респондентов, сейчас — 57,2 %. Модные образы публичных людей почти в два раза более значимы для младшей возрастной группы респондентов (19 и 10,7 %) (рис. 2).

Таким образом, исследования показали, что наше предположение о влиянии эпохи «дефицита» на

модные предпочтения современных потребителей подтвердились. Она сформировала особое отношение к моде и культуре её потребления, к стратегии формирования и пополнения гардероба, которое с определённой трансформацией продолжает существовать в жизни современных российских женщин. Анализ и оценка влияния исторических культурных традиций на потребительскую культуру, полученных при помощи ретроспективных социологических исследований, способствует лучшему пониманию требований потребителей к одежде и прогнозированию спроса на продукцию индустрии моды.

Библиографический список

1. Вайнштейн, О. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу / О. Вайнштейн // Женщина и визуальные знаки / ред. А. Альчук. — М.: Идея-пресс, 2000. — С. 30–40.
2. Ятина, Л. Мода глазами социолога: результаты эмпирических исследований [Электронный ресурс] / Л. Ятина. — Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/2/9yatina.html> (дата обращения: 23.10.2011).
3. Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. — Л.: Знание, 1974. — 32 с.
4. Цесевичене, О. А. «Своё — чужое» в русской моде XVII—XX веков: философско-культурологический анализ: автореф.

дис. ... канд. философ. наук / О. А. Цесевичене. — Омск, 2011. — 23 с.

5. Гудова, М. Ю. Советский шик и российский гламур как две модели потребления и воображения повседневности [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова // Гендерные исследования. — Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/smi/smi11.php> (дата обращения: 23.10.2011).

6. Горалик, Л. «...Росагроэкспорта сырка»: Символика и символы советской эпохи в современном российском брендинге / Л. Горалик // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. — 2007. — № 3. — С. 13–32.

7. Вайнштейн, О. Мое любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России / О. Вайнштейн // Теория моды. Одежда. Культура. Тело. — 2007. — № 3. — С. 101–126.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Конструирование швейных изделий».

ЕВДУЩЕНКО Елена Владимировна, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры «Конструирование швейных изделий».

Адрес для переписки: irvin61@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.11.2011 г.

© И. В. Виниченко, Е. В. Евдущенко

УДК 7.045.5

Ф. В. ФУРТАЙ

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НЕОГОТИКИ

В статье рассматриваются архетипическая перекличка исторической готики и одного из малых художественных стилей современного искусства — неоготики (квазиготики). С этой целью анализируются два изображения: рисунок из альбома Виллара де Оннекура и обложка книги по современному искусству под редакцией Джильды Уильямс («Галерея Уайтчепель», Великобритания, 2007).

Ключевые слова: готический рисунок, Виллар де Оннекур, череп, распятие, неоготика, современное искусство, панк, архетип.

Эта статья представляет собой результат осмысления одного визуального образа. А именно обложки сборника материалов по современному искусству под редакцией Джильды Уильямс [1] (рис. 1). Почему материалы по современному искусству озаглавлены «Готика» и почему обложка книги с таким названием иллюстрируется черепом с надетыми на него чёрными очками? Даже у не являющегося специалистом в области готического искусства не останется сомнений в том, что речь в этой книге идёт не об исторической готике, чьё формирование, расцвет и закат охватывает период со второй половины XII века по XV век включительно, а о некоем современном художественном явлении, которое также зовут готикой или неоготикой. Представляется очевидным, что, если художественное явление, отстоящее от исторической готики, более чем на пять столетий, носит такое же название, значит, между ними должны существовать образные, семиотические, ментальные созвучия и переклички. В данном случае на обложке упомянутой книги изображён человеческий череп.

Каково символическое содержание и какую смысловую нагрузку несёт данный предмет в готическом искусстве, какой архетип средневекового мировоззрения он визуализировал? Мотив черепа, находящегося у подножия креста, не встречается в ранне-средневековом искусстве. В искусстве «тёмных веков», каролингской и романской эпохи преобладали ветхозаветные и апокалипсические мотивы. Новозаветные темы, в основном, были представлены сюжетами «доброго пастыря», евангелистами, вознесения. Тема распятия, как одна из центральных тем, начинает присутствовать в средневековом искусстве по мере того, как зарождается готическое искусство с его мощным христологическим ядром. До нашего времени дошло одно из наиболее ранних изображений черепа, относящееся ко времени ранней готики. Это рисунок из уникального памятника средневекового искусства — альбома Виллара де Оннекура — готического архитектора, рисовальщика и скульптора, активно работавшего в 30–40-е годы XIII века в нескольких европейских странах. После него осталась

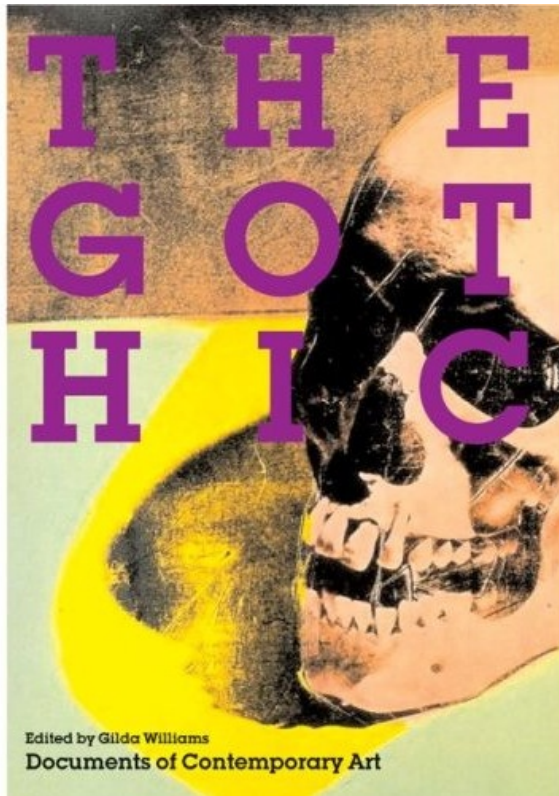

Рис. 1

дорожная книжка зарисовок архитектурных планов и образцов для скульптуры и витража, единственная, которая уцелела среди других подобных книжек его собратьев готических архитекторов.

На четвёртой странице альбома Оннекур запечатлевает главнейшую и важнейшую иконографическую композицию готического искусства - Распятие (рис. 2). Здесь Оннекур предстаёт как отличный рисовальщик, владеющий и прежней романской манерой рисования и новой готической. Фигура распятого Христа даётся Оннекуром в романской манере непрерывной, жёсткой и лаконичной линией. Виллар схематично обрисовывает грудь, рёбра и живот Распятого в манере, отдалённо напоминающей античные традиции изображения обнажённого тела, унаследованные романским искусством. Христа Оннекур изображает в позе с резко изогнутой правой ногой и перекрещивающимися стопами ног, характерной для миниатюрной живописи той поры, выходящей из скрипториев Пикардии и Парижа. Единственный готический элемент в рисунке Оннекура — это набдерная повязка Христа, выполненная в манере Muldenfaltenstil, столь характерной для как рисовальщика. Нижний конец креста на рисунке Оннекура вкопан в земляное возвышение, которое в христианской живописи олицетворяло голгофский холм. На верхнем конце креста Оннекур изображает табличку с латинскими буквами: i, n, g, i — которые, согласно евангельской традиции, являлись начальными буквами надписи, висевшей на груди у Христа, в которой по-еврейски, по-гречески и на латыни была указана его вина. Надпись гласила: «Иисус Назарянин царь Иудейский». В основании креста Оннекур изображает весьма схематично, в «геометрической манере», принятой в рисунке ранней готики, череп. В оннекуровском распятии есть и ещё одна странная деталь. Это окружность на пересечении поперечной и продольной балок креста. Окружность поделена на четыре равных сегмента равносторонним крес-

Рис. 2

том, а по периметру окружности поставлены 22 точки. Считать эту деталь нимбом вокруг головы Христа не представляется корректным, так как свечение вокруг головы Сына Божьего и святых говорило о том, что духовный свет внутри их собственной природы излучает свои лучи во внешний мир. Золотой нимб неотделим от головы святого, его нельзя снять и повесить, как шляпу. В рисунке же Оннекура странная окружность располагается над бессильно упавшей на правое плечо головой Христа. Чтобы понять смысл и причины появления на новой иконографической композиции изображений черепа и окружности необходимо проанализировать тот культурно-исторический контекст, в котором рождался подобный символический язык. В 1204 году завершился взятием Константинополя четвёртый крестовый поход — последний успешный поход крестоносцев. Начался шестидесятилетний период расцвета Латинской империи крестоносцев на Востоке. Королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, графства Триполи и Эдесское — все они повели интенсивную торговлю с морскими республиками Венеции и Генуи, с городами Апулии и особенно Сицилии, где располагался двор германского императора Фридриха II Штауфена — самого «ориентально» настроенного из европейских монархов своего времени. Растущие торговые обороты, вероятно, были одной из причин появления в Европе в 1202 году арабских цифр. Однако знакомство с культурами Ближнего Востока не ограничивалось политикой и торговлей.

Ещё после первого крестового похода, когда в Святую Землю хлынул поток паломников, восемь французских рыцарей в 1113 году основали в Иерусалиме

госпиталь св. Иоанна для больных паломников. Новый орден госпитальеров вскоре дал начало другому рыцарскому ордену. В 1119 году восемь рыцарей во главе с великим магистром Гуго де Пайанс выделились из ордена госпитальеров, дав обет сопровождать паломников по дороге в Иерусалим и охранять их от сарацинских набегов. Король Балдуин II выделил братству часть своего дворца, возведённого возле места храма Соломона. Это обстоятельство явилось внешним основанием для названия ордена — храмовники, тамплиеры. Интересно, что устав ордена «Бедных братьев Иерусалимского храма» частично воспроизводил устав цистерцианцев и был разработан при участии Бернарда Клервосского — видного деятеля этого ордена, куда входил и Виллар де Оннекур. Именно через ордена госпитальеров и тамплиеров шло интенсивное проникновение в Европу каббалистической мистики, гностических воззрений, элементов исламского суфизма. Через тамплиеров образованная Европа познакомилась с еврейской философской мыслью, посредством трудов Моше бен — Маймуна (Маймонида) — крупнейшего в то время толкователя Библии и Талмуда. Все эти новые темы духовных исканий широко обсуждались тамплиерами, прежде всего при постройке своих обителей, а их было по Европе свыше десяти тысяч, причём большая часть во Франции.

Спустя четыре десятилетия после создания альбома Виллара де Оннекура генуэзский епископ, хронист - агиограф Якопо да Ворраджино (Яков Воррагинский) создаёт «*Legenda Aurea*» («Золотая Легенда») — одну из самых популярных средневековых компиляций, объединившей источники более раннего происхождения и описывающую жизнь библейских персонажей и различных святых. Написанная живо и занимательно «Золотая Легенда» содержала в себе не только пересказы средневековых агиографических легендариев, но и включала круг идей и сопоставлений из обширнейшего комментария к Библии, написанного богословом IX века Валафридом Страбоном, так называемого «*Glossa ordinaria*» и «*Speculum Ecclesia*» Гонория Отенского, созданного в конце XI — начале XII века. Эти два произведения были широко известны в образованной монашеской среде, среди сюжетов которых был и рассказ об истории креста. Якопо да Ворраджино приводит её в следующем виде. — Первый человек Адам перед смертью посылает в Эдемский сад за маслом прощения своего сына Сета (Сифа). Когда Сет достиг Эдема, то он увидел посредине сада огромное дерево в виде креста, достигавшее небес. Ангел-страж не дал Сету масла прощения, но позволил взять три семени от Древа Жизни. Вернувшись с семенами, Сет положил их в рот своему отцу, когда тот умер. Из них выросло дерево. Во время потопа Ной выкопал это дерево с корнем и перенёс в ковчег, а когда вода спала, Ной похоронил череп Адама под горой Голгофой, а дерево посадил у горы Ливанской. Моисей пересадил дерево у Моавских холмов. После долгих поисков Давид нашёл Древо Жизни, а его сын Соломон хотел использовать его как колонну в храме, но его плотники не смогли отесать его как следует. Из дерева сделали мост, связывающий Иерусалим с окружающими его холмами. Царица Савская, приехавшая к царю Соломону, отказалась ступить на этот мост, а преклонила колени и совершила молитву. Это так впечатлило Соломона, что бревно с золотыми украшениями повесили над входом в храм. Порочный внук Соломона Авия украл золото, а бревно зарыл в землю. Там, где его зарыли, забил целебный источ-

ник — Вифезда. С течением веков дерево вышло на поверхность и вновь стало мостом между Голгофой и Иерусалимом. Так как на Голгофе не было леса, бревно было распилено на две части и послужило крестом для Иисуса.

Таким образом, крест Распятия в мировоззренческом контексте готической эпохи «вырастал» из рта первочеловека Адама и являлся продолжением райского Древа Жизни, на котором Христос освобождался от материальной несовершенной природы, преобразуя её в новую духовную, бессмертную. Агония Спасителя на кресте понималась не как агония смерти, а как муки рождения, а череп Адама хотя и принадлежал первому грешнику, но, одновременно, содержал в себе зёрна будущего искупления.

В том же духе ближневосточной мистики трактовался и круг, разделённый равносоставленным крестом с 22-мя точками. В этих воззрениях круг считался самой совершенной формой, включающий в себя все вещи до их творения. По окружности Виллар расположил 22 точки, означающие 22 буквы еврейского алфавита, которые по каббалистическим воззрениям считались одними из оснований мира и которыми создавался текст Священного Писания. Тамплиеры даже латинские буквы на табличке сверху креста стали трактовать как начальные буквы еврейских слов: вода, огонь, воздух и земля — четырёх стихий, лежащих в основе естественного мира, каждую из которых обозначают концы креста. В русле тамплиерской мистики Распятие читалось как искупление всего материального бытия, как рождение нового духовного мира через смерть низшей материальной природы человека. Намёк на обновление мира в рисунке Оннекура можно увидеть в той же окружности — «нимбе», если «читать» её не только как круг, заключающий мир до творения, но используя иные мировоззренческие значения этого излюбленного средневекового символа. В 1230 году провансальский поэт Гийом де Лоррис создаёт «Роман о Розе» — литературно-богословскую аллегорию, описывающую многозначность понятия «роза». В причудливой возвышенности романа Гийома де Лорриса сплетались традиционные для провансальской поэзии недостижимая любовь к Прекрасной Даме, еретические катарские представления о мире как переплетении тьмы и света, о розе как эмблеме женского начала в мире. «Роман о Розе» был весьма популярен, его читали и при феодальных дворах, и в монастырских библиотеках, и в открывавшихся по Европе университетах. Своим романом Гийом де Лоррис не только осмыслял новые мировоззренческие подвижки, отражавшиеся, в том числе и в архитектуре, но и способствовал более глубокому и разнообразному переживанию этого понятия. Прекрасная Дама в поэзии Прованса и Аквитании на уровне христианского богословия ассоциировалась с Девой Марией, а роза являлась цветком Богоматери. Закономерно, что западные фасады готических соборов украшались «розой» — большим круглым витражным окном, символизирующим Богоматерь. Западный фасад — это вход в собор, а Богоматерь считалась небесной дверью, через которую Христос вошёл в мир людей. Во Франции готические соборы, посвящённые Богоматери, называли также как предмет возвышенной любви в провансальской поэзии — *Notre Dame* — Наша Дама.

Возможно, размышляя именно в таком «французском» контексте, Виллар изобразил мистическую розу-Богоматерь как знак небесной двери, через которую пришёл Христос, обновивший мир духа и тварный мир. Из этого следует, что Оннекур на этой страни-

це альбома изобразил сразу два распятия. Одно — «реально-историческое», изображающее богочеловека Иисуса на римском кресте; другое — мистическое, на котором душа мира — роза — распинается на кресте четырёх материальных стихий, показывая трагическую противоречивость человека [2].

Таким образом, переключка двух окружностей на рисунке Распятия у Виллара де Оннекура выступает как метафизический диалог «мужского» начала — черепа Адама и «розы мира» — «женского» начала, в христианской доктрине представленного Богоматерью.

В отличие от черепа на готическом рисунке, который является «продуктом» целостного мировоззрения культуры — изображение черепа на обложке современной книги есть результат «коллажного» синкретизма цивилизации. Само появление в термина «готика» в современном культурном пространстве отсылает к метакультурному основанию современной цивилизации, которое начиная с эпохи вхождения машины, сменилось с возрожденческого на средневековое. Искусство в период цивилизации приобретает ряд особых черт. Оно использует отдельные элементы ушедших культур, но не в их изначальном виде («первая жизнь явления»), и не в виде научных знаний о них («вторая жизнь явления»), а осмысливаются на мифологическом уровне. Подобные мифологизации появляются лишь в отношении тех культурных явлений, которые созвучны существующим ментальным состояниям современного общества. В данный исторический момент в недрах современной культуры можно наблюдать мифологизацию готического периода средневековой культуры. Современная неоготика, насчитывающая уже более двухсот лет своего существования в европейской культуре, включила самые разнообразные художественные явления — от «Франкенштейна» М. Шелли и «Дракулы» Б. Стокера до молодёжного движения «готов» и киносаги о Гарри Поттере. Готические мотивы весомо представлены в литературе — Г. Майнринок, Д.Р. Толкиен, К. Льюис, У. Эко, П. Козльо, Дж. Роулинг; в кино — Р. Полански, У. Бава, П. Джексон, Ж.-П. Жене; в музыке — Deriche Mode, Linkin Park, HIM, Rammstein, Arosalirica, и это далеко не полный перечень авторов. Готические мотивы также широко представлены в дизайне одежды и аксессуаров, web-дизайне и on-line играх (виртуальности). Можно говорить о том, что внутри современной культуры на протяжении двухсот лет существует устойчивая субкультурная традиция, породившая свой малый художественный стиль. Однако, в отличие от исторической готики, бывшей оптимистичным утренним стилем, современная неоготика восприняла только нижние иерархии стиля, связанные с миром дьявольских чудес, греха, телесности и плотских наслаждений. Неоготика — это стиль ночи, магии и тайны. Другим существенным отличием неоготики от исторической готики является её мифологичность и магизм, а не христианская религиозность. В таком контексте изображение черепа уже читается как полностью вынужденное из религиозного контекста, и, следовательно, здесь он уже не предстаёт как «черепа Адама», как «мужское» начало. Утратив свою индивидуальную принадлежность, его изображение становится анонимным и представляет теперь череп человека вообще, независимо от пола и религии. Присутствие на одной фотографии черепа (мир природы, необходимости, всеобщего основания человеческого тела) и очков (мир культуры, моды, игры) отсылает данную композицию к панк-стилю, с которым у неоготики много общего и в плане хроматической гаммы (белое, чёрное, красное), и в плане ментального пессимизма, и в отношении к человеческой телесности. Телесность в панк унисексуальна, она остается за гранью деления на мужское/женское. Одежда, аксессуары, система жестов, макияж, причёска имеют минимальные половые различия: на мусорных развалах ни у мужчин, ни у женщин нет никаких преимуществ. И в этом смысле череп — есть наибольшая демонстрация с одной стороны, мусорности (ведь череп уже не человек) и унисексуальности. Чёрные очки — знаковая и единственная деталь панк-стиля, которой позволено защитить уникальность человека (прикрыть взгляд). Закрывая непроницаемой чернотой «глаза — зеркало души», человек скрывает от внешнего мира свой страх, стыд, боль — свою слабость. К тому же, чёрные очки на лице редуцируют уникальность лица к единому типу, что оставляет надежду выглядеть «серийно произведенными», казаться «своими» в мире машин. Но что скрывать черепу? Какие чувства могут быть у предмета, выпавшего из сферы культуры? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо сравнить эти изображения, так сказать, на архетипическом уровне. Несомненным является тот факт, что и в первом и во втором случае череп есть визуализатор архетипа Смерти. В альбоме готического архитектора, череп Адама означал смерть как следствие первородного греха, который был искуплен Христом (вторым Адамом) на древе жизни, проросшим из головы первочеловека. В рамках готического мироощущения череп символизировал телесную смерть, над которой торжествовало бессмертное духовное начало. На обложке книги по современному искусству изображение черепа тоже символ смерти, но она не связана с этическими проблемами, а является закономерным неизбежным итогом материальности человека. Очки, как культурный артефакт, к смерти отношения не имеют, так как культура есть высшее выражение жизни. Находясь на черепе, они выводят этот предмет из природы разложения и бессмысленности, делая его актом культуры, эстетизируя его. **Таким образом, на обложке книги о неоготическом искусстве мы наблюдаем ту же архетипическую коллизия — отрицание смерти жизнью. Но если в исторической готике это происходило за счёт применения иконографических формул, содержание которых находилось в русле христианского мировоззрения (распятие), то в современной готике (неоготике) «победа над смертью» идёт за счёт артизации (т.е. придания черепу черт образности) и эстетизации.**

Библиографический список

1. Williams, G. The Gothic [Текст] / G. Williams. — London : Whitechapel Gallery, 2007. — 240 p.
2. Фуртай, Ф. Записки средневекового масона. Альбом Виллара де Оннекура [Текст] / Ф. Фуртай. — СПб. : Алетейя, 2008. — 248с.

ФУРТАЙ Франциска Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), доцент кафедры философии, докторант кафедры философии факультета философии, культурологии и искусства Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Адрес для переписки: ira_oza@msn.com

Статья поступила в редакцию 10.11.2011 г.

© Ф. В. Фуртай

РИСК КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Интерпретация обыденного представления о риске задаёт ориентиры для систематического рассмотрения данного вопроса в философском ключе. Хотя идеи риска возникли в философском мышлении довольно давно, однако данные представления носили в основном фрагментарный характер. Эти представления не получили систематической разработки и дальнейшего продолжения в силу внутренней ситуации и интересов самого классического философского дискурса. Существуют различные способы актуализации риска в форме ожидания и воспоминания, рационального анализа и сценария, прогноза и оценочного высказывания о том или ином негативном событии. Более того, время формирует предпосылку рефлексии риска в ментальном и социально-коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: индивид, риск, культура, социокультурный аспект, философский дискурс, морально-нравственные последствия.

В современных условиях индивиду не с чем соотнести свои поступки и отталкиваться при принятии решений, так как старая система ценностей утрачивает свое значение, а современное общество предлагает множество систем знания и ценностей. Наличие множества систем обостряют проблему адаптации человека к избыточной информационной среде и необходимость самоопределения личности относительно ценностных ориентиров. Индивид перманентно стоит перед необходимостью выбора между альтернативными системами знания и ценностями.

Риск, с одной стороны, можно определить как сформированную под влиянием географических и социокультурных факторов систему стереотипов поведения личности, ее чувственно-эмоциональных реакций и мышления, являющуюся выражением иерархически соподчиненных приоритетов и культурных ценностей. С другой стороны, понятие риска как всякое научное понятие — есть результат определенной абстракции и его нельзя полностью отождествлять с поведением и мышлением каждого отдельного индивида.

Риск на стадии социализации личности заключается в том, какую линию жизни человек для себя желает и, в конце концов, выберет, с какими ценностями, установками он в дальнейшем будет сверять свое поведение.

Тем более что от принятого решения зависит степень риска: чем больше индивидуальные или групповые ценности и установки находятся в противоречии с общественными, тем выше степень риска и тем более явно прослеживаются черты асоциального поведения. В случае, когда социальные и личные или групповые нормы совпадают, степень риска на социальном уровне минимальна и правомерно говорить о просоциальном поведении в обществе.

В современном российском обществе существует много негативных явлений, затрудняющих становление и развитие личности и общества, что побуждает людей и власть рисковать фактически во всех сферах своей жизни. В качестве основных можно выделить следующие:

— кризис идентичности личности граждан РФ как нравственных и политических субъектов;

— кризис культурного пространства, в котором доминируют идеи и образцы массовой культуры;

— неопределенность образа капиталистической России;

— напряженность мультикультурного пространства в России.

Степень рисков процессов самоопределения зависит от объективных условий и личных особенностей как самого человека, так и общества в целом. Личность не всегда осознанно рискует при выборе жизненной стратегии и в процессе ее реализации (в процессе самореализации), а власть, государство не должно допускать неосознанности, иначе результат: либо смена власти, либо диктатура, что рано или поздно ведет все к той же смене, но с разрушением общества.

Интерпретация обыденного представления о риске задаёт ориентиры для систематического рассмотрения данного вопроса в философском ключе. Хотя идеи риска возникли в философском мышлении довольно давно, однако данные представления носили в основном фрагментарный характер, как, например, рассуждения Б. Паскаля о риске религиозной веры, представления И. Канта о риске знания или концепция риска в теории справедливости Дж. Ролза.

Эти представления не получили систематической разработки и дальнейшего продолжения в силу внутренней ситуации и интересов самого классического философского дискурса. Поэтому длительное время пальма первенства в исследовании риска принадлежала математике, экономике и социологии, достижения которых на современном этапе являются исходными моментами для социально-философской концептуализации.

В рамках собственно философского мышления риск традиционно выступает как способ бытия в мире, сферы свободы, опасности, непредсказуемости или, по замечанию Дж. Беннета, выражает «фундаментальную неопределённость и всеобщую рискованность бытия», репрезентирует предел человеческой способности контроля и планирования событий жизни, описывает сферу пограничных или даже критических феноменов социальной реальности, которые имеют место на границе физического, психического

и социального мира. Если подходить к вопросу с феноменологических и конструктивистских позиций, то риск в редуцированном виде представляет собой комплексный феномен социального бытия, который стирает пространственные границы внутреннего и внешнего, размыкает временные рамки настоящего и будущего, трансцендирует стереотипы строго научного разделения между фактами и ценностями.

Во временном измерении понятие риска имеет неопределённый статус. Риски принадлежат к нечёткому миру потенциальных возможностей.

Риск — это сфера феноменов, имеющих место в будущем, и всё же мы думаем о рисках как о латентно присутствующих в настоящем.

Риск — это то, что ещё не наступило, и когда будущие события наступают, то больше не находятся в будущем, но представляют актуальное событие. Существуют различные способы актуализации риска в форме ожидания и воспоминания, рационального анализа и сценария, прогноза и оценочного высказывания о том или ином негативном событии. Более того, время формирует предпосылку рефлексии риска в ментальном и социально-коммуникативном пространстве.

Тем самым риск становится частью самого восприятия и поведения в социальном пространстве, а не противостоит ему как трансцендентная сущность. Мы можем использовать предсказание, в котором расширяется горизонт настоящего в будущее, вычисляется статистически каким образом тенденции и последовательности прошедших и актуальных событий могут продолжиться в будущем при прочих равных условиях. Однако потому, что социальные субъекты, например, общество, цивилизация или человек в своём развитии и функционировании лишь относительно сохраняют самоотждественность во временном аспекте человеческого восприятия и социодинамическом аспекте изменения, будущее необходимо оценивать, выражая неизвестные и неопределённые тенденции, о которых мы ещё не знаем. Меняется не только мир, но и человек с его когнитивными способностями; изменяя мир, человек изменяется сам.

В этом смысле риск как одна из форм времени — это событие, граница между настоящим и будущим или, по Н. Луману, «временная конгигенция», временная связь «настоящее — будущее», образ настоящего (ресурсов деятельности и актуальной ситуации), сконструированный с точки зрения его возможных и ещё не реализованных последствий в будущем (целей и смысловых перспектив), при условии, что этот образ может и не актуализоваться, а результаты действий способны инициировать непреднамеренные последствия, наряду с запланированными результатами. Риск — это исторически и социально заданная форма проблематизации будущего, выражающая соответствие между актуальным настоящим и неопределённым будущим в сознании личности, социокультурный смысл которой определяется внутренней сложностью общества и способностью человека формулировать и решать всё более сложные проблемы.

Связывая будущее с принятием решения в настоящем, точнее, с позитивными и негативными последствиями, риск становится не только дескриптивным, но и нормативным концептом: он содержит анализ причинно-следственных отношений социальных действий и имплицитно императив к устранению нежелательных эффектов действий посредством модификаций связей между причинами и следствиями, целями, средствами и результатами.

«Будущее, — подчеркивает Н. Луман, — не определено не только потому, что оно зависит от многих

известных и неизвестных факторов, определяющих то, что произойдет, но, прежде всего потому, что оно циклично замкнуто само на себя посредством процессов принятия решений, следовательно, зависит от решений настоящего». В пространственном измерении характеризуется той или иной степенью неопределённости информации о целях, средствах, намерениях участников социального взаимодействия, а подчас и неопределённостью целей самого субъекта. Это создаёт многообразие диспозиций, угроз, конфликтов, динамическое равновесие между которыми нельзя достичь вне корректировки когнитивных, ценностных, нормативных и фактических параметров этого пространства. Важную роль в понимании пространства риска играют культурные и научные архетипы знания, задающие эволюционную динамику риска. Пространство риска имеет внутреннюю структуру, функциональную и смысловую упорядоченность на различных уровнях организации: индивидуальном, социально-ролевом, культурно мировоззренческом, цивилизационном.

Изучение любых смыслов начинается с поиска понимания этих смыслов. Понимание, в трактовке М. Хайдеггера, наделенное онтологическим статусом, является подвижной основой самого человеческого бытия, это способ бытия. Понимание определяется как «умение быть» [1], то есть умение быть в определенном жизненном контексте. Человек всегда существует понимая. Понимание — это некое практическое умение. Поскольку понимание — это умение, и мы всегда оказываемся в ситуации понимания, то наше понимание оказывается зависимым от определенной ситуации, наше понимание всегда настоящее, всегда зависит от контекста.

Изучение культуры предполагает различные подходы и возможности. И перед исследователем стоит задача идти глубже, к усвоению духа культуры — менталитета, культурной парадигмы [2]. Указывая на отдельные формы культуры, описывая и систематизируя их, взор исследователя устремлен к тому, чтобы проникнуть внутрь явлений, выявить их глубинную сущность, ту подоснову, которая позволяет объединить многообразные отдельные в единую целостность, мозаику единичностей заключить в одну общую рамку. Пониманию сущности культуры способствует экспликация феномена «ментальность».

В современной философской, культурологической и психологической литературе значительное внимание уделяется изучению риска вообще. Изучение риска маркирует культурное состояние общества. Актуальность культурологического исследования проблемы риска в контексте культуры обусловлена совокупностью причин, важнейшей среди которых является потребность понять истоки уникальности человеческого бытия, которыми детерминировано многообразие его становления.

Изучение риска позволяет выявить новые детерминанты человеческого поведения, с одной стороны, и обогатить содержание предмета философии — с другой.

Риск — осознанное действие, важный феномен требующий ограничения таких факторов как авантюризм, некомпетентность, непрофессионализм. Риск только тогда, когда «я знаю». Риск — не позитивный фактор, не двигатель инноваций и прогресса. Но и не негативный. Он нежелательный, но вероятностный феномен, форма случайности.

И поэтому с философской позиции следует различать только два вида рисков: социальный (разру-

шение, гибель субъекта, превышающего свои возможности и ресурсы в условиях понимания своего выхода за «предел»), и условный, относительный (техногенный), когда разрушается инструмент, средство, предмет человеческих и общественных потребностей от сознательно созданных до предельно допустимых условий их функционирования.

Риск — это когда есть не просто угроза жизни, а угроза утраты человеческой сущности и (или) самой жизни.

Риск имеет и ценностную природу, потому что включает в себя, во-первых, понимание того, что сам риск выступает как ценность или оценка, потому что одинаковая ситуация может быть рискованной для одного человека и совершенно не являться таковой для другого, во-вторых, оценку возможных последствий рискованной ситуации.

А понимание общества, в свою очередь, невозможно без понятия ценностей, так как само общество может быть представлено как объективированное бытие совокупности различных ценностей. Таким образом ценности являются основаниями для возникновения рисков и рискованной деятельности человека. Цель, ради которой человек готов попасть в ситуацию риска, определяется его ценностями. Если ценностная система не выстроена в определенной последовательности. Это приводит к тому, что индивид ощущает бессмысленность и несвязанность своего существования, мечется от одного жизненного события к другому, не осмысливая целостности своего бытия. Такой человек не обладает богатой мотивационной сферой, не имеет стратегической цели, которая придает смысл жизни. Это приводит к потере доверия между социальными субъектами.

С точки зрения философского подхода к риску, речь идет об экзистенциальной сущности риска, ситуации риска и рискующего индивида. Здесь одной из главных тем является проблема свободы в ситуации риска, как ситуации неизбежного выбора. Свобода традиционно может пониматься в двух аспектах: свобода действия и свобода выбора. Свобода выбора предшествует непосредственно самому выбору в ситуации риска, который в свою очередь формирует свободу действий как необходимое условие преодоления риска. Таким образом, свобода в целом выступает как фундаментальная свобода и как фундаментальное основание рискованной деятельности и, следовательно, как первоценность, как аксиологическая основа риска.

Далее, к экзистенциальному срезу философского анализа риска примыкает проблема отношения субъекта к риску и зависимость поведения индивидов и социальных субъектов от этого отношения. В большинстве случаев отношение к риску и ситуации риска является негативным, ибо связано с неизбежным выбором субъекта с целью уклонения от наступления неблагоприятных последствий. Надо сказать, что большинство научных работ о риске выдержано в таком стиле. В связи с этим очень часто забывают о том, что риск содержит в себе не только деструктивные моменты, а, напротив, содержит в себе большой креативный потенциал, потому как стремление избежать неприятностей может приводить к нестандартным решениям, которые затем могут выступать как конкурентные преимущества. При этом это актуально как для межличностного уровня, так и для отдельных институциональных образований и для общества в целом.

Исследовательский интерес к феномену «риска» объясняется тем, что, если исходить из того, что люди живут, действуют, трудятся не в одиночку, а в непрерывном общении друг с другом, то, соответственно, «необходимой формой их жизнедеятельности является производство форм общения, способов соединения, кооперации и координации их усилий, обмена опытом, установление отношений сотрудничества или конкуренции, взаимопомощи или соперничества» [3], а возможность достаточно глубоко изучить природу человеческой деятельности предоставляется содержательностью эксплицируемого понятия.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. — Харьков, 2003. — С. 170.
2. Культурология / Под научн. ред. проф. Г. В. Драча. — Ростов-на-Дону, 2005. — С. 63.
3. Жданов, Ю. А. Проблемы теории и истории культуры / Ю. А. Жданов В. Е. Давидович // Сущность культуры. — Ростов-на-Дону : Наука-пресс, 2005. — С. 29.

АНОХИНА Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры философии.

Адрес для переписки: anohina.ov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 21.11.2011 г.

© О. В. Анохина

Книжная полка

Мареева, Е. В. Культурология. Теория и история культуры : учеб. пособие для вузов / Е. В. Мареева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Экзамен, 2008. — 414 с. — ISBN 978-5-377-00493-6.

В соответствии с Государственным образовательным стандартом по дисциплине «Культурология» в учебном пособии рассмотрены: место культурологии в системе знания; проблема сущности культурологии; субъект культуры и ее этническое и национальное измерение, а также единство и многообразие культур. Особое внимание уделено своеобразию цивилизаций Древнего Востока, античному миру и зарождению европейской культуры, культуре Средневековья, гуманистической культуре Возрождения, культуре Нового времени, массовой и элитарной культуре XX века, истокам и своеобразию русской культуры. Рассмотрены культура древней и средневековой Руси, реформы Петра I, русская культура XVIII века, пути формирования русского национального самосознания, советская культура. Для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных и экономических вузов, работников культурных учреждений и широкого круга читателей, интересующихся становлением и развитием культурологической мысли от истоков до наших дней.

БИБЛИОТЕКА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации в современном обществе. Определяется роль библиотек в организации и поддержке межкультурных контактов, регулировании межнациональных отношений. Устанавливается значение принципа мультикультурализма в библиотеках, обслуживающих многонациональное население.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, мультикультурализм, библиотека.

В последние десятилетия мы наблюдаем активные процессы политической, экономической и культурной интеграции, происходящие в ходе глобализации. В этих условиях перед обществом возникает ряд новых задач, решение которых вызывает серьезные проблемы. Наиболее остро стоит вопрос организации межкультурного диалога как условия успешного развития международных контактов. В частности, мировое сообщество пытается определить шаги, которые позволят существенным образом наладить столь сложный и противоречивый процесс общения представителей различного этнического, культурного, религиозного и языкового происхождения.

Проблема межкультурной коммуникации возникает не только на мировом уровне, но и в отдельных странах, характеризующихся этнокультурным разнообразием. Современная Россия не исключение.

Существующие сегодня теоретические наработки, безусловно, оказывают содействие организации столь сложного и противоречивого процесса межкультурной коммуникации. Но, к сожалению, практических рекомендаций в литературе не так много. В переходе к практическим действиям важно определить структуры, принимающие непосредственное участие в решении проблем межнационального общения. Мы попытаемся определить место социально-культурных институтов, в частности библиотек, в установлении и поддержании межкультурных контактов, регулировании межнациональных отношений.

Для начала разберемся, что же из себя представляет межкультурная коммуникация. В качестве синонимов будем употреблять термины «межкультурный диалог», «межкультурное общение», не принимая во внимание внутреннюю специфику каждого из них, так как это не влияет на ход нашего рассуждения.

Понятие «межкультурный диалог» используется в разных контекстах. О.Н. Астафьева предлагает несколько вариантов его трактовки:

1) как социокультурный процесс, направленный на расширение межкультурных коммуникаций в современном мире на принципах открытости, высокой степени уважения культурных (в том числе религиозных) различий и культурного наследия, толерантности;

2) в качестве типа социокультурной практики взаимодействия людей, обеспечивающего основания для совместного проживания людей в условиях много-

образия культур, цивилизаций, различного религиозного опыта и культурных традиций;

3) как форму взаимоотношений (коммуникации) между людьми, основанную на толерантности, доверии, открытости к сотрудничеству, способствующую достижению взаимопонимания, выявлению общих ценностей и смыслов;

4) в форме социального института, обеспечивающего национальную безопасность и способствующего стабилизации социокультурной ситуации;

5) в виде стратегии культурной политики, обеспечивающей условия равноправия, равенства, справедливости и терпимости в отношениях между людьми, защиту прав человека и основных свобод;

6) в качестве категории научного анализа и научно-теоретического концепта, позволяющего изучать процессы межкультурного взаимодействия [1, с. 357].

Любой подход к рассмотрению межкультурной коммуникации должен основываться на определенных принципах. Опираясь на философские концепции, а также на идеи гуманности, объективности, толерантности, Л.Г. Почебут и С.П. Безносков предлагают при построении межкультурной коммуникации учитывать следующие положения:

— межкультурное общение и взаимодействие состоят в понимании культурных различий, человек не просто соглашается с тем, что различия существуют, он должен понимать сущность этих различий, принимать специфику иной культуры, учитывать эту специфику в своем поведении;

— в процессе межкультурной коммуникации важны ориентации на будущее, а не на прошлое;

— цель межкультурной коммуникации — приоритет соблюдения своих интересов в своей культуре; приоритет соблюдения интересов представителя иной культуры в его культуре;

— межкультурная коммуникация терпит неудачу, если мы покушаемся на систему ценностей, принятых в культуре другого человека, затрагиваем национальные чувства, унижаем национальное достоинство [2, с. 255].

По мнению ряда специалистов, эффективность межкультурного диалога складывается из совокупности следующих условий:

1) ориентация на практическую полезность, то есть соответствие интересам безопасности и экономическим задачам;

2) осознание единства интересов и проблем [3];
3) выработка правил и схем коммуникации, не ущемляющих интересы представителей разных культур [4, с. 313];

4) образование в области прав человека и межкультурное образование, которые дают «знания о различии культур, учат чувствовать безопасность при встрече с различиями, дают возможность использовать эти различия позитивным образом» [5, с. 47];

5) осознание собственной идентичности и понимание того, что «диалог — выражение в сущности как раз собственной, а не противоположной идентичности» [5, с. 46].

Практические рекомендации в области организации межкультурного диалога попытался дать М. Ю. Попов. Он считает необходимым совершать в этом направлении следующую совокупность действий: «проводить различные мероприятия; привлекать популярные музыкальные, театральные коллективы, выступающие за распространение межкультурного диалога; создавать совместные волонтерские программы по помощи неимущим, социальные программы; создавать совместные продукты культурно-просветительского характера (фильмы, ролики, мультфильмы), демонстрирующие единство различных этносов; распространять через Интернет подобную продукцию (в блогах, социальных сетях, на форумах); проводить спортивные мероприятия под лозунгом культурного объединения» [5, с. 48].

В организации и проведении этих мероприятий особое значение имеют социальные институты, в частности библиотеки, которые превращаются в центры взаимодействия представителей различных национальных культур.

Эффективному осуществлению деятельности библиотечных учреждений в этом направлении способствует принятие официальных документов международного значения. В 2008 году был провозглашен «Манифест ИФЛА о поликультурной библиотеке», в котором прописаны принципы библиотечного обслуживания населения в условиях культурного и языкового разнообразия, задачи, решаемые поликультурной библиотекой при оказании услуг и другие аспекты, касающиеся вопросов библиотечного обслуживания населения культурно и лингвистически неоднородного [6]. В 2009 году была опубликована третья редакция руководства по обслуживанию поликультурного населения, пересмотренного в соответствии со «Стратегическим планом Секции ИФЛА по библиотечному обслуживанию мультикультурного населения на 2006 — 2010 гг.»: «Мультикультурные сообщения: Руководство по библиотечному обслуживанию» [7].

Несомненно, официальные документы международной организации ИФЛА способствуют продвижению позиций плюрализма в библиотечном обслуживании поликультурного населения. Однако ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, председатель «круглого стола» Российской библиотечной ассоциации «Библиотечное обслуживание мультикультурного населения» И.В. Чаднова считает, что необходима разработка российского руководства и собственных стандартов библиотечного обслуживания мультикультурных сообществ, а также выработка методических рекомендаций по обслуживанию в российских библиотеках представителей разнородных этнических групп. По ее мнению, следует создать рабочую группу из представителей различных библиотек по разработке российских стандартов, тем более что у российских библио-

тек есть достаточный опыт по обслуживанию мультикультурного населения. Речь идет в первую очередь о деятельности национальных библиотек субъектов Федерации, а также крупных публичных (областных, краевых и т.д.) [8].

В связи с вышесказанным особое значение для библиотечного дела в условиях проживания разнообразных этнических групп приобретает концепция мультикультурализма.

«Мультикультурализм, или культурный плюрализм, — термин, описывающий сосуществование многих культур в одном месте, без преобладания какой-либо одной культуры в регионе» [9, с. 6].

Отношение современных специалистов к концепции мультикультурализма неоднозначное. Ученые, стремясь решить проблемы, связанные с мультикультурализмом, ищут новые подходы к определению этого явления. О. О. Медведева предлагает отказаться от узкого взгляда на политику мультикультурализма «как патерналистскую поддержку «культурных меньшинств» и обеспечения плюралистического характера доминирующей социальной культуры» [10]. Она считает, что «более существенной в рамках парадигмы мультикультурализма является перспектива интеграции множественных моделей идентичностей в единую социокультурную систему, способную предоставить личности предельное вариативное, но внутренне консолидированное пространство для самоидентификации» [10].

Е.В. Хлыщева рассматривает предмет нашего внимания через концепцию диалогичности, говоря о том, что «мультикультурное сознание — сознание диалогичное. Но, чтобы вступить в диалог с Другим типом сознания, культура должна допускать внутри себя полифонию разных голосов, не отторгать их как все «инаковое» [11, с. 256].

Анализируя известные в настоящее время концепции, А.М. Дмитриева и Н.С. Пригода делают вывод, что мультикультурализм базируется на следующих основополагающих принципах:

- признания этнической и культурной аутентичности группы или индивида в контексте доминирующей этничности и культуры;
- равноправия, предполагающего равенство перед законом и равный доступ к материальным, властным и прочим социально значимым ресурсам;
- недискриминации на групповом и личностном уровнях;
- свободы этнокультурного самовыражения;
- толерантности, предполагающей конструктивное отношение к «иному» [12, с. 19 — 20].

У многих специалистов неоднозначное отношение к явлению мультикультурализма. А. А. Борисов, пытаясь выяснить суть мультикультуралистских проблем в России, заключает, что они связаны с пониманием нации «как этнической общности или согражданства» [13, с. 27]. Он предполагает, что если настаивать на этом, то «мультикультурализм обернется для России настоящей бедой, так как этническое разнообразие россиян может спровоцировать межэтнические столкновения» [13]. По его мнению, «этот подход обусловит существование этнокультурных меньшинств с ущемленным сознанием, враждебно настроенных по отношению к большинству» [13].

В. Малахов в своей книге «Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме» делает малоутешительный, по его словам, вывод о том, что «идеология мультикультурализма — скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирова-

ния... мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом «культурных сообществ» [14, с. 160].

Вышеизложенное указывает на то, что к настоящему времени мультикультурализм становится явлением весьма проблематичным и дискуссионным. Так, например, преобладающая часть сторонников мультикультурализма оценивает его исключительно в контексте либерализма за его способность поддерживать межкультурную толерантность и содействовать сохранению социального согласия за счет гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграции в национальное сообщество. В свою очередь, консервативные исследователи, находящиеся в меньшинстве, видят в мультикультурализме марксистскую политическую идеологию, которая рассматривает все культуры, их обычаи и институты как равные, что, по сути, является революционным движением [15, с. 10].

По мнению Л. Р. Низамовой, положение осложняет тот факт, что современная Россия продолжает реализацию своего национального проекта, ведущего к маргинализации культур этнических и религиозных меньшинств, с одной стороны, признавая многонациональность и полиэтничность под влиянием международного сообщества в условиях развития компьютерных технологий и глобальных коммуникаций, — с другой [15, с. 15]. Но стоит с ней согласиться, что это не может служить основанием отказа от мультикультурализма в российском обществе.

Нельзя не согласиться и с мнением И. В. Чадной, что в начале XXI века мультикультурное общество признается нормой во многих странах мира. Библиотеки как социальные институты должны учитывать этот факт при организации обслуживания, в том числе и мультикультурного, требующего от библиотекарей освоения определенных навыков кросскультурной коммуникации [9, с. 12]. В этих целях насущной потребностью является организация для библиотекарей доступного мультикультурного образования [16, с. 35]. Во многих учебных заведениях различных стран мира организуются и преподаются учебные курсы, нацеленные на ознакомление студентов с теоретическими и практическими аспектами обслуживания различных категорий пользователей. И. В. Чадна подчеркивает, что подобные учебные программы и курсы формируют такие новые специфические умения, как:

- находить общую информацию о целевой (этнической) группе — ее история, статистические данные;
- находить локальную информацию о данной группе — истории ее проживания, демографических особенностях, изучать ее информационные потребности;
- находить информацию о группе, используя печатные и другие информационные ресурсы;
- развивать соответствующие коллекции изданий для обслуживания целевых групп;
- уметь развивать небольшую, но мобильную коллекцию литературы для этой группы;
- внедрять новые способы справочного обслуживания этнических групп;
- развивать библиотечные программы и осуществлять библиотечный менеджмент для удовлетворения читательских, культурных и образовательных потребностей группы;
- внедрять план по набору персонала из членов группы, которые могут и не быть профессиональными библиотекарями [16, с. 36].

Это далеко не весь перечень навыков работы в мультикультурной среде, который должен формироваться в рамках основного и дополнительного образования библиотекарей.

Для российского образовательного пространства учебные курсы по мультикультурному библиотечному обслуживанию являются инновационным направлением, особенно на региональном уровне. К сожалению, не во всех регионах России созданы учебные программы для библиотечного персонала, позволяющие проводить обучение специалистов с учетом реалий именно данного края или области [16, с. 38].

Таким образом, процессы формирования глобальной культуры, происходящие в современном обществе, и одновременное усиление значения этнокультурной самобытности оказывают большое влияние на библиотеки, от которых требуется поиск инновационных подходов к организации деятельности в мультикультурном пространстве. Библиотечные учреждения вносят неопределимый вклад в развитие и функционирование национальных культур на своих территориях, выполняют функцию посредника взаимодействия представителей различных этносов. Важно, чтобы эта деятельность рассматривалась библиотечным сообществом как составная часть основного библиотечного обслуживания, особенно в полиэтничных регионах.

Библиографический список

1. Астафьева, О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики / О. Н. Астафьева // *Фундаментальные проблемы культурологии*. В 4 т. Т. 4. Культурная политика. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 354–378.
2. Почебут, А. Г. Теоретические и прикладные проблемы межкультурной коммуникации / А. Г. Почебут, С. П. Безносков // *Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире*. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2007. — С. 254–255.
3. Коломыц, О. Г. Проблемы политической глобализации и диалог культур в современном мире / О. Г. Коломыц [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.publiclibrary.ru> (дата обращения: 16.04.2010).
4. Саблина, С. Г. Культура «Пост» и проблемы коммуникации в межкультурной среде: социологические аспекты анализа / С. Г. Саблина // *Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций*. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. — С. 312–322.
5. Попов, М. Ю. Межкультурный диалог как фактор развития общеевропейского гуманитарного пространства / М. Ю. Попов // *Теория и практика общественного развития*. — 2009. — № 3–4. — С. 44–49.
6. Манифест ИФЛА о поликультурной библиотеке // *Науч. и техн. библиотеки*. — 2008. — № 7. — С. 5–9.
7. Мультикультурные сообщества: Руководство по библиотечному обслуживанию. 3-е изд. СПб. : РНБ, 2010. — 60 с.
8. Чадна, И. В. Проблемы библиотечного обслуживания мультикультурного населения / И. В. Чадна [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.publiclibrary.ru> (дата обращения: 28.11.2011).
9. Чадна, И. В. Мультикультурализм и многообразие культур / И. В. Чадна // *Молодые в библиотечном деле*. — 2005. — № 2. — С. 4–9.
10. Медведева, О. О. Дискуссия о мультикультурализме и актуальные проблемы социальной политики государства / О. О. Медведева [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.publiclibrary.ru> (дата обращения: 16.04.2010).
11. Хлыщева, Е. В. Мультикультурализм и проблема диалога культур / Е. В. Хлыщева // *Вестник Ставропольского государственного университета*. — 2009. — № 5. — С. 253–260.

12. Дмитриева, Л. М. Мультикультурализм как фактор формирования современного общества / Л. М. Дмитриева, Н. С. Пригода. — Омск : ОмГТУ, 2010. — 98 с.

13. Борисов, А. А. Мультикультурализм. Американский опыт и Россия / А. А. Борисов // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. — М. : Аспект-пресс, 2003. — С. 8–29.

14. Малахов, В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / В. Малахов. — М. : Новое литературное обозрение, 2007. — 200 с.

15. Низамова, Л. Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л. Р. Низамова // Гражданское общество в многонациональных и по-

ликонфессиональных регионах. — М. : Гендальф, 2005. — С. 9–30.

16. Чаднова, И. В. Проблемы мультикультурного обслуживания в публичных библиотеках / И. В. Чаднова // Вестник БАЕ. — 2007. — № 3. — С. 32–34.

АХУНОВА Земфира Ихвальевна, преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности. Адрес для переписки: ahunowa@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2011 г.

© 3. И. Ахунова

Книжная полка

Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии / Г. Д. Гачев. — М. : Логос, 2011. — 424 с. — ISBN 978-5-98704-537-4.

Книга выдающегося отечественного философа и культуролога продолжает авторскую серию «Национальные образы мира». Задача — охарактеризовать национальный мир и ум. Подобно тому, как человек есть троичное единство: тело, душа, дух, так и каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, т.е. единство местной природы, характера народа и его ментальности. В качестве культурологических текстов выступают ландшафт, быт, кухня, язык, произведения. В книге даны «портреты» Эллады, Германии, Франции, которые рассматриваются в сравнении друг с другом и Россией. В частности, сопоставляются три «Ифигении» — то, как один и тот же сюжет разработан греком Еврипидом, немцем Гёте и французом Расином. Для философов, культурологов, филологов, искусствоведов, социальных психологов, преподавателей других социально-гуманитарных наук. Может использоваться в учебном процессе вузов по направлениям «Философия», «Культурология», «Искусствоведение». Представляет интерес для современных интеллектуалов — читателей с философским складом ума и широким культурным горизонтом.

Толпыкин, В. Е. Культурология: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп : учебник для вузов / В. Е. Толпыкин, Т. В. Толпыкина. - 2-е изд., испр. и доп. — М. : Эксмо, 2010. — 432 с. — ISBN 978-5-699-38467-9.

В учебнике рассматриваются все основные разделы вузовского курса культурологии в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта. Цель данного учебника — дать целостное, системное представление о культуре как чрезвычайно сложном, многогранном общественном явлении. Материал учебника излагается ярким выразительным языком и иллюстрирован большим количеством примеров из историко-культурологических, философских и литературных источников. Каждая глава сопровождается дидактическими материалами. Методические наработки, положенные в основу учебника, много лет успешно используются авторами в образовательном процессе. Рекомендуется студентам (бакалаврам и магистрам), аспирантам, соискателям и преподавателям культурологии.

Костина А.В. Культурология : учебник для вузов / А. В. Костина. — 5-е изд., стер. — М. : КноРус, 2010. — 336 с. — Гриф МО РФ. — ISBN 978-5-406-00724-2.

Учебник написан в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта, содержит разделы «теория культуры», «история мировой культуры», «история отечественной культуры». В нем дается представление о предмете культурологии и ее месте в системе гуманитарного знания, раскрывается содержание ее основных понятий, анализируется соотношение народной, элитарной и массовой культур, рассматриваются такие явления, как глобализация, постмодернизм, представляется характеристика постиндустриального и информационного общества. Значительное внимание уделяется истории культуры от ее первобытного этапа развития и до эпохи современности. Для студентов вузов, изучающих курс «Культурология», преподавателей и учащихся старших классов общеобразовательных школ, а также для всех, интересующихся данной проблематикой.

Пушкова, Ю. Б. Культурология : учебное пособие для вузов / Ю. Б. Пушкова. — М. : ЭКЗАМЕН, 2008. — 384 с. — ISBN 978-5-377-01488-1.

Данное пособие предназначено для студентов гуманитарных специальностей. Подробно рассматриваются структура, состав и методы культурологического знания, взаимосвязь культурологии с другими науками, различные подходы к изучению культурного наследия. Пособие может быть использовано в качестве дополнительного материала при подготовке к экзамену по дисциплинам «Теория культуры», «История культуры», «Культурология», «Культура России». Рассчитано на широкий круг читателей.